

Э. Хруцкий

Этот неистовый русский
(документально-художественная
повесть)

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Э1

- Э1 **Э. Хруцкий**
Этот неистовый русский: (документально-художественная повесть) / Э.
Хруцкий – М.: Книга по Требованию, 2013. – 124 с.

ISBN 978-5-458-28199-7

Тяжела и сложна была жизнь Харлампиева. Царская Россия, Франция, Германия, буржуазная Эстония куда только не бросала жизнь этого человека! Однако вся его жизнь, все его творчество были посвящены служению русскому народу, социалистической России.

ISBN 978-5-458-28199-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

- Вам плохо?
- Свет, карандаш, бумагу.
- Вам плохо?
- Я прошу вас...
- Минуту...

Как стучит в висках, как колотится сердце! Только бы успеть написать, только бы успеть...

Сестра зажгла небольшую лампу, положила карандаш и бумагу.

«Я очень беспокоюсь о вас, мои дорогие. Завтра вам выходить на ринг. Помните, что у настоящего боксера-мастера все, начиная от передвижения по рингу и кончая ударом, абсолютно свободно, логично, красиво. Передвигается он скользящим шагом, без прыжков, удары наносит вместе с поворотом туловища, этот поворот происходит всегда в полном соответствии с переносом тяжести тела с одной ноги на другую. Механика движений при нанесении ударов и выполнении защиты зависит от той позиции, прямой или боковой, в которой находится в определенный момент боксер. Вы не сердитесь на меня, мои дорогие, что пишу я вам истины азбучные. Лучше внимательно приглядитесь к себе, особенно ты, Коля, и ты, Лева. Обо мне не волнуйтесь. Все хорошо. Я совсем здоров...»

Он прислушался к боли, медленно вонзавшейся в лопатку. «...Скоро буду с вами и обниму чемпионов. Желаю победы».

Аркадий Георгиевич Харлампиев

Он надписал адрес, положил письмо на тумбочку. Он еще увидел испуганное лицо сестры. Услышал, как она крикнула: «Врача!».

Это шумит не дождь. Это Сена лижет каменные плиты моста Мари. В жаровнях лопаются каштаны, чад их

смешивается с запахом тины и прогнивших свай. А в небе повисло веселое солнце. Они бегут с Клодит, взявшись за руки. Бегут вдоль набережной, и она смеется, подставляя влажные губы. Вдруг погасло солнце и наступила тьма. На этот раз навсегда.

Он умер в три часа ночи 20 августа 1963 года.

СМОЛЕНСК— ГОРОД ГУБЕРНСКИЙ

В городе хозяйничала масленица. Казалось, что Смоленск навсегда пропах сивухой. Рожи обывателей российских лоснились, словно блины, щедро сдобренные, маслом.

На главной улице у подъезда губернского дома каждый вечер крутились и стреляли два колеса с шутихами — непревзойденное изобретение местного пиротехника — пьяницы Пигуса. Откуда у человека такая смешная фамилия, — не знал никто, даже полицмейстер, но из-за склонности «ракетчика» к горячительным напиткам его высокоблагородие переименовало его в Пьянгуса.

Как только у подъезда губернатора с адовым треском и шипением начали крутиться чертовы колеса, город знал точно — масленица началась.

Хрипели у подъезда хозяина губернии испуганные лошади, бравые околоточные, рванувшие по стакану для «сугреву», соляными столбами застывали по обе стороны дверей. Съезжались гости на традиционный ужин.

Над городом плыл блинный чад. Ох уж эта масленица! Обыватель обжирался. Блины елись с икрой, со сметаной, с балыком, с тертым сыром, со шпротами, да мало ли с чем можно есть столь прекрасную вещь — блины! Ну и, естественно, запивалось все это огромным количеством водки, хереса, коньяка.

«Дичь, темнота, варварство,— витийствовал учитель рисования женской гимназии,— нет на вас Рабле».

Впрочем, в городе он уже слыл вольнодумцем. А на самом деле гастрит не позволял ему никаких отклонений от диеты.

Его превосходительство — хозяин губернии слыл русофилом. Поэтому старинный масленичный обряд очень ценил, и как гастроном, и как любитель всевозможных молодецких забав.

Но это все потом. И проводы зимы, и взятие городка, и лихие кулачные бои.

А пока только-только закрутились колеса, застреляли, наполнили улицу вонючим дымом. Поплыла по городку широкая масленица.

Пять дней город объедался блинами. Пять дней практикующие врачи мило извинялись перед дамами, садились в санки и ехали спасать обожравшихся лабазников.

Наконец на льду Днепра началось главное — сошлись кулачные стенки. Лабазники и молодые купчишки, хватив на похмеле перцовки, выходили драться с «ремеслом».

Хорошо кормленные купеческие дети рубили голь по скулам и сами падали на лед, выплевывая вместе с кровью обломки зубов.

Гудел Днепр от топота, уханья, крепких слов. А на берегу, в открытых санках сидел генерал. Хихикал, тыкал куличишком в ватную спину ямщика. Подбадривал дерущихся тоненьким фальцетом.

Лабазники побеждали, в их стенке дрались десять лучших бойцов. Девять приказчиков с Роговской мукомольни и сын Рогова — Петька, огромный детина медвежьей силы.

Слободские уходили с истоптанного сапогами снега.

Уходили заливать брагой горечь поражения. Губернаторский приз — пять ведер водки — доставался лабазникам.

Петька Рогов вперевалку шагал к берегу. Там в роговском трактире ждал приз. И хотя он сам мог купить не только пять ведер, а, пожалуй, и губернаторский дом, и самого губернатора... Да что и говорить, многое мог купить наследник миллионера Петька Рогов! Но он яростно дрался за эти пять ведер. Дрался жестоко, до крови. Потому что он всей своей хозяйской сущностью понимал невозможность проигрыша. Ведь тогда водку будет пить «ремесло» с его мукомолен.

— Ах и молодец ты, Петр Сергеевич,—почтительно хлопнул хозяйского сына по спине один из приказчиков,— орел! Святой крест, орел!

— Как ты того, в армяке, хватанул,— глухо, как в бочку, хохотнул другой,— аж борода в сторону!

— Да мы с тобой...

— Идем, чего там, гулять будем! Зови всех наших, от меня еще пять ведер.

— Шалишь... Ох и орел, да с таким хозяином...

— За призом торопишься, ваше степенство?

Рогов обернулся. Перед ним стояли трое. Один в потертой чиновничьей шинели, двое в ладных полушубках.

— А ты чего? Выпить, чай, хочешь? Так пойдем, я вашего брата хоть и не люблю, но сегодня уважу. Пей, канцелярия.

— Ты только зря шубу накинул, ваше степенство,— голос был насмешливый, без почтения.

Да и глядел незнакомец на Рогова без страха, только в светловатых глазах прыгали веселые искорки.

— Ну ты! Смотри, а то на звание твое не посмотрю, заставлю лед носом пахать.

— Вот что, бери своих холуев. Давай стенку.

Рогов опешил от такой наглости, его дружки угрожающе придвинулись.

— Ну смотри,— Петька нарочно медленно потянул шубу с литых плеч.

И сразу замолкли зрители. Тихо стало на берегу. Шутка ли сказать, трое против знаменитых кулачных бойцов!

— Любопытно,— привстал в санях губернатор.— В духе французских романов господина Дюма. Эй,— крикнул он пристапу,— кто такие?!

— Изволю доложить, ваше превосходительство, братья Харлампиевы. Да господин почмейстер лучше скажет. Алексей Тихонович, пожалуйста к его превосходительству.

Из толпы зевак вопросительным знаком на ножках выплыл почмейстер.

— Осмелюсь доложить, ваше превосходительство, бывший мой чиновник, коллежский регистратор Егор Харлампиев, личность подозрительная и крайне безнравственная. Уволен со службы за поступок с чиновничьим званием несовместимый. Да, извольте, ваше превосходительство, какой либерал! Утром по лестнице присутствия на руках пошел, забыв что там особы чиновом повыше.

— Как так на руках? Молодой чиновник? У вас? Да если **о**се в губернии на руках ходить начнут? Нигилизм! Да-с, милостливый государь, нигилизм! Сначала неуважение к чинам, а потом...— губернатор повел рукой у самого почмейстерского носа.— Немедленно пишите прошение о лишении его чиновничьего звания. Немедленно!

— Слушаюсь, ваше превосходительство.

— Ступайте прочь!

Почмейстер все так же спиной заскользил в толпу.

Несмотря на мороз, от него, как от загнанной лошади, валил пар.

А между тем противники остались в одних рубашках. Стали стенкой — десять против троих. Петька исподлобья оглядел своего противника. Что говорить, крепок, плечи, грудь выпуклая! Но куда ему... Куда? Петька примерился и с плеча — раз!

Как-то на мельнице заартачилась лошадь, забилась в постромках, так же тогда приложил он ей кулак-кувалду. Та только дернулась, да из ноздрей кровь и все.

Нет человека, который бы от такого удара устоял. Но почему-то вдруг острая боль под ложечкой заставила купца согнуться вдвое. Потом он щекой почувствовал холод снега, и, корчась на снегу, все никак не мог справиться с комом, катающимся в желудке.

Когда наконец Рогов смог дышать и приподнялся на локтях, то увидел, что четверо его дружков, выплевывая черные сгустки крови, словно слепые, ползают по льду. И эти трое стоят, как стояли. «Ну гады, я сейчас»... Он подполз к шубе, рванул из кармана заветную рукавицу. В ней была заложена тяжелая свинчатка. Давясь матерщиной, бросился на своего обидчика. Вся злость вложена в удар.

Егор Харлампиев увернулся случайно. Просто решил посмотреть, как дела у младшего брата. По скуле словно кувалда проехала. «Закладка», — обожгла мысль.

Он повернулся, левой рукой отбил в сторону новый удар, а правой, с прыжком, прямо по мясистому подбородку.

Петька, как во сне, сделал шаг вперед, выплевывая зубы, и рухнул, звонко лбом ударившись об лед.

Егор оглянулся. Братья не подкачали. Семь Петькиных подручных лежало. Двое бежали в сторону Смоленска, а вслед им улюлюкал, свистел берег.

Вся Рачевка повалила в роговский трактир распи-
вать выигрыш. Егор, морщась от боли, натягивал ши-
нель. Братья прикладывали к синякам снег, вытирали
кровь.

Щеголеватый пристав в гвардейского сукна шинели,
аккуратно придерживая шапку, спускался на берег.

Подошел, малиново звеня шпорами, небрежно руку
в белой перчатке к козырьку.

— Господин Харлампиев,— процедил сквозь зубы,—
кто позволил вам избивать почтенных граждан города
Смоленска?—А голос переливался словно полицейский
свисток.

— Это кто же почтенный гражданин?—Егор Хар-
лампиев усмехнулся приставу прямо в лицо.— Этот?—
он кивнул в сторону Петьки, которого тащили под руки
двое приказчиков.— Этот?—повторил он громче и
злее.— Кровосос он. У него в бараках рабочих черви-
вым мясом кормят.

— Вздор-с. Да за такие слова! Молчать!

Шпоры от возмущения зазвенели сами.

— Я вам покажу! Я вас...

— Не пугайте, не надо, господин капитан. Мы, ви-
дите ли, не из пугливых, как вы успели убедиться.

Егор повернулся и пошел к берегу. А вслед ему гро-
зили, неистовствовали шпоры.

* * *

Георгий Харлампиев, или, как его звала вся Рачев-
ка, Егор, жил в маленьком двухэтажном доме на са-
мом краю слободы. Но прежде чем начать рассказ о
нем, нужно непременно рассказать об этой слободе.

Стояла она на горе, у подножия которой вились ру-
чейки и речушки, вливающиеся в Днепр. Здесь-то и об-
разовывал Днепр свои старицы. Сразу несколько. Ле-

том они зеленели тиной, покрывались изумрудной ряской. Водилась в них пропасть раков. Жители слободы таскали их сотнями. У каждого был свой секрет приманки. Со слободы отправлялись раки на рынок. Вот по имени этих-то малоприятных на вид обитателей Днепра и получила свое название слобода.

А кто жил там — понятно. От хорошей жизни не понесешь на рынок покрытого слизью «гада». Жили в Рачевке мелкие кустари, рабочие-мукомолы, деповцы да обедневшие интеллигенты.

Семью Харлампиевых уважали. Даже самые горластые забулдыги, выйдя из кабака, давились песней у их дома. И только дойдя до угла, продолжали рассказ о том, как шумел камыш.

Жили Харлампиевы бедно.

У Георгия Яковлевича семья была большая — сын, гимназист Аркаша, и три дочки.

Принцип в доме был такой: любой труд, если он честный, достоин уважения.

Сам Георгий Яковлевич, после того как лишился чиновничьего звания, окончил ветеринарное училище, стал фельдшером. Он надолго уезжал в уезды. Аркаша учился в первой Смоленской гимназии, учился хорошо; он знал, что только первые ученики из бедных освобождены от платы за учение.

Утром, наскоро выпив чай с булкой, он через весь город бежал в гимназию. Любил ли он учиться? Трудно сказать. Мучительно почти пять часов сидеть в классе, кисло пахнущем чернилами. Мучительно и скучно повторять никому не нужные глаголы мертвых языков, когда за окном шумит смоленский парк, чуть дальше — Днепр, плоты, на горе развалины крепости короля Сигизмунда. Как он любил эту крепость! Каменные ступени, казалось, хранили еще следы беспечных польских

А. Харлампиев — ученик Смоленской гимназии

гусар. Здесь, в этих темных переходах, жестоко рубились они. Спускаться в подвал было опасно. Туда вела истлевшая от старости деревянная лестница. Но именно там, в подвале, и было самое главное, было нечто оставшееся от тех далеких времен. Он все же решился. Взял свечу и старый кондукторский фонарь. Пошел один. Специально. Чтобы побороть страх, тисками сжимавший его сердце.

В сторожевой башне, глухой и мрачной, куда пробивалась лишь узкая полоска света сквозь бойницы, Аркаша зажег фонарь. На грубоотесанных камнях заплясали причудливые тени, и сами камни ожили, они менялись, изъеденные веками, они уже стали лицами с гла-

зами, морщинами. Они смотрели на мальчика вековой мудростью, памятью столетий.

Аркаша сделал шаг, другой, подошел к люку. Квадратный проем звал его вниз. Страха уже не было. Какое-то странное чувство овладело им. От какой-то странной радости готово выскочить сердце из груди. Он знал, что здесь порог необычайного, еще не познанного.

Аркаша сделал первый шаг. Страж таинственной страны — лестница угрожающе скрипнула. Она сказала: «Стой!» Еще шаг, и опять скрип, более зловеющий. Он сделал еще шаг. Потом еще и еще.

Вот он подвал! Вот оно, святая святых королевского замка!

Под сводами подвала гулко разносились звуки шагов. Ему казалось, что это бьется сердце, так же гулко и тревожно. Здесь света не было. Только желтое пятно фонаря на секунду разрывало мрак, а потом он вновь смыкался за его спиной.

Внезапно впереди мелькнул свет. Воздух сразу стал чище. Еще несколько шагов, и Аркаша увидел пролом в стене. В лицо ударило речной свежестью. Аркаша высунулся и зажмурился от солнца, казавшегося особенно ярким после сырой темноты подземелья.

До чего же красиво! Город лежал внизу словно театральный макет, зажатый серебристой подковой Днепра. Аркаша потушил свечу в фонаре, сел и стал смотреть на город, на легкие облака за Днепром. Потом он часто приходил сюда. Он любил смотреть на Смоленск через проем крепостной стены, который был похож на картину в раме из разбитого камня.

Однажды он нашел там чугунное ядро с прикованной к нему цепью. Конечно, мальчишка не мог оставить в замке столь ценную находку. Весь день он волоком тянул ядро в слободку.